

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава двадцать первая

«Привет из...»

Ни метеоролог, ни собаковод

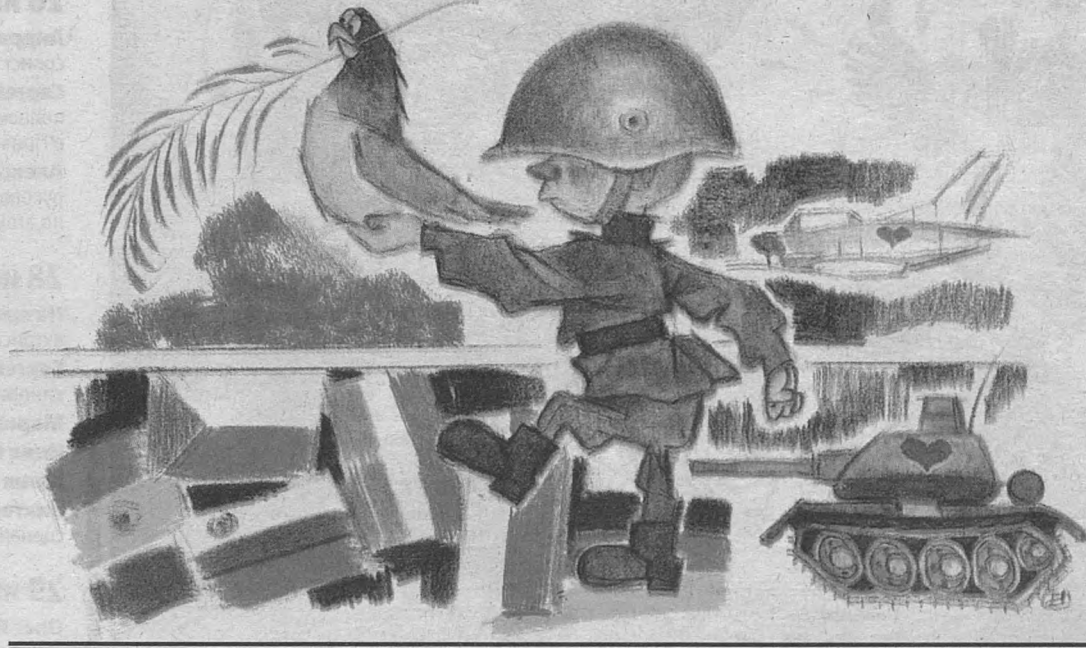
Мне всю жизнь везло на тридцатые числа. 13 сентября 1951 года меня призвали в армию, 13 ноября 1955-го демобилизовался. 13 марта 1963-го начался мой роман с Ириной, 13 сентября 1965-го она переехала ко мне, 13 ноября 1970-го мы узаконили наши отношения. Мы прожили вместе сорок лет до самой ее кончины...

13 ноября 1951 года я присягнул на верность отечеству. Нас поздравляли с тем, что теперь нам можно доверить оружие, а если что, наказывать по всей строгости советских законов. Хотя наказывать можно было и раньше. Тюрьма грозила новобранцу еще до призыва за уклонение от службы, а уж за отказ принимать присягу он мог пойти под трибунал, как описанные мною в предыдущей главе баптисты. Вообще советская (и российская) воинская присяга есть акт в юридическом и моральном отношении сомнительный. Она является обещанием, данным под угрозой насилия, и потому не может считаться легитимной. Но в любом случае она является рубежом, после которого солдат несет службу в полном объеме.

Сразу же после присяги появились в нашей части «покупатели». Обычно начальство само решает за солдата, где и в каком качестве тянуть ему ляжку, но в данном случае нам был предоставлен выбор. Первые «покупатели» собрали несколько человек метеорологической службой, следующими были представители школы собаководов. Я колебался, но тут прошел слух, что есть возможность защищать родину за ее рубежами, на очень выгодных условиях. Там солдатам дают яловые сапоги, кожаные ремни, а к дневному рациону добавляют сливочное масло. Здесь у нас денежное довольствие 30 рублей в месяц, а там будет 75 в местной валюте, при том, что в Германии за 10 марок можно купить часы-штурмовку. Понятно, я был рад, что не подался ни в метеорологию, ни в собаководство.

За границу, с песней Галича

О времени отъезда мы были предупреждены заранее, и ясно было, что, куда нас ни повезут, Запорожье не объехать. Я успел сообщить об этом домой. Эшелон стал в Запорожье далеко от вокзала на запасном пути. Сразу же появились родители моих товарищей с кошелками, авоськами и свертками, а одна женщина даже принесла своему сыну кастрюлю с борщом. Объятия, поцелуи, крики, слезы, смех... А моих родителей нет. Поезд стоял долго — час или больше. Ко всем кто-то пришел, и только ко мне никто. Вот и время стоянки кончилось. Вдоль эшелона пробежал офицер с жестяным рупором, выкрикивая: «По вагонам!» Наиболее послушные попрощались с родными. Кто-то заплакал, другие подхватили (и, как мне тогда показалось, красиво пели): «До свиданья, мама, не горюй, на прощание сына поцелуй! До свиданья, мама, не горюй, не грусти, пожелай нам доброго пути!». Я стоял у вагона и плакал, закрывая лицо пилоткой. Залягали буферами и задергались, словно в судороге, вагоны. Это прицепили паровозы!

Те, кто попал служить в Польшу раньше нас, мечтали вернуться. На родине солдатам раз в три недели по выходным давали увольнительные, а здесь в увольнительную нельзя, потому что контакты с местным населением недопустимы. Мы спрашивали: почему же недопустимы, ведь это наш братский народ? Нам отвечали, что народ в целом, конечно, братский, но в его среде встречаются отдельные враждебные элементы

вдруг я увидел мать, отца и сестру, бегущих между путями. Оказывается, они давно были здесь, но искали наш эшелон в другом месте. Опять пробежал офицер, выкрикивая в рупор: «По вагонам!». Мы стали торопливо обниматься.

Мама сказала: — Когда доедешь до места, обязательно напиши, где ты, что ты. — Он не сможет этого написать, — сказал папа. — Потому что не пропустит военная цензура.

И тут же предложил шифр: — В первом письме напиши первую фразу так, чтобы первые буквы были буквами названия того места, куда ты попадешь.

— Хорошо, — сказал я и полез в вагон уже на ходу.

Кто-то опять заплакал, и теперь весь поезд пел, и я вместе со всеми: «До свиданья, мама, не горюй...»

Думал ли я, что лет через десять с небольшим сочинитель этой песни станет моим соседом, приятелем и коллегой. Да и модный драматург Галич, если б ему тогда показать заплаканного новобранца, вряд ли увидел бы в нем своего товарища по судьбе. И оба мы не могли себе представить, что когда-нибудь, он раньше, а я позже, отправимся за границу под его совсем другие песни. Например, под песню «Когда я вернусь...», которая для него, увы, не оказалась пророческой.

«...Новостей абсолютно нет»

Последней станцией перед границей был Ковель. Только здесь мы узнали, что едем не в Германию, а в Польшу. Нас вывели «на opravку» (в уборную), снова загнали в вагоны и больше не выпускали. Мы, как заключенные, высовывались из окон посмотреть на публику, гулявшую по перрону. И вели себя, как заключенные.

Я написал родителям короткое письмо, вложил в конверт и бросил в окно. Как оказалось, это был очень надежный способ. Кто-то письмо мое подобрал и отправил по почте, наклеив марку. Это был обычный путь для писем подпольных людей. Одни бросали

письма на ветер, другие подбирали и опускали в почтовые ящики. Человеческие поступки в стране с нечеловеческими порядками.

К вечеру мы покинули Ковель. Ночью нас где-то высадили, пересчитали и снова загнали в вагоны. Это была граница.

На другое утро я снова писал родителям и начал с предложения: «Пока особенно значительных новостей абсолютно нет». Фраза глупая, но если сложить слово из первых букв, получится: «Познан». На самом деле мы приехали не в Познань, а в город Хойна. Но я подумал, что это название родителям вряд ли что скажет, так пусть будет Познань, которую мы ночью проехали. В ответном письме родители наметнули, что поняли меня, заглянули в энциклопедию и «рады за того, кто попадает в большой культурный центр, где не всегда бывают значительные новости». Потом я часто начинал свои письма фразой «Привет из Польши». Польшу цензоры неизменно вымарывали, оставляя «Привет из...», но дальше первой строчки им лень было читать, и все подробности беспрепятственно проходили.

Каждый пятый — скрытый враг

Оказалось, яловые сапоги и кожаные ремни дают только тем, кто служит в Германии и Австрии, а в «братских» странах — та же «кирза» и брезентовые ремни. Денежное довольствие 12 злотых, а зубная паста стоила 14. Никаких часов-штурмовок не было, а обыкновенные стоили так дорого, что нечего и мечтать. Тем не менее, когда мы проходили строем через город, местные мальчишки бежали вдоль строя и кланялись: «Дядя, дай сигарет». Я думал, что «сигарет» — это сигарета, но оказывается — часы. Много лет спустя я узнал, что просьба «дать сигарет» содержала какой-то обидный смысл.

Те, кто попал в Польшу раньше нас, мечтали вернуться. На родине раз в три недели по выходным давали увольнительные и хотя бы один раз за всю службу краткосрочный (десять дней) отпуск, а здесь —

ни того, ни другого. В увольнительную нельзя, потому что контакты с местным населением недопустимы. Мы спрашивали: почему же недопустимы, ведь это наш братский народ? Нам отвечали, что народ в целом, конечно, братский, но в его среде встречаются отдельные враждебные элементы. Мы же не в настоящей Польше, а в Силезии, на бывшей немецкой территории, где враждебных элементов до двадцати процентов, то есть каждый пятый — скрытый враг. А в отпуск нельзя ездить, потому что далеко и дорого, государство и так тратит на нас слишком много денег. Впрочем, отпуск возможен в двух особых случаях. Первый — смерть отца, матери, брата, сестры или жены (если есть), а второй случай — если часов, стоя на посту, «отразил вторжение посторонних лиц», то есть застрелил нарушителя.

Городок в городке

В Хойне я пробыл очень короткое время. Сдал странный экзамен двум подполковникам, которые назывались мандатной комиссией. Ответил на вопросы, когда родился, кто папа и мама, кем работал до призыва, состою ли в комсомоле, когда произошел Великая Октябрьская революция, какие должности занимает товарищ Сталин, и правда ли, что я учился в аэроклубе. Мои ответы членов комиссии удовлетворили, окончание фамилии их не смутило, и я вместе с другими, чьи фамилии кончались на «ов», «ин», «ко» и «швили», был направлен в школу авиамехаников.

В канун 1952 года я оказался в городке Шпротава на реке Бобр. Из всех людей, встреченных мною в дальнейшей жизни, о существовании этого маленького городка знает только либеральный политик Аркадий Мурашов — он там родился в 1957 году в семье летчика.

Наша школа представляла собой военный городок, окруженный глухим кирпичным забором. При немцах это было танковое училище с казармами из красного кирпича, помещениями для занятий и ангарами, приспособленными у нас

один под солдатскую столовую, остальные под учебные мастерские. Нам сказали, что мы начнем учиться через месяц-полтора, когда закончит учебу предыдущий набор, а пока расписали по ротам, причем я оказался в первой роте, состоявшей почти целиком из ленинградцев, а из моих земляков составила вторая рота. Мне повезло дважды. Во-первых, с ленинградцами было интереснее, чем с запорожцами. Во-вторых, нам предстояло изучать последнее слово тогдашней авиатехники — реактивный истребитель МиГ-15, а им — ветерана войны, штурмовик Ил-10.

Не спеши выполнять приказание

Немецкая казарма отличалась от «аракчеевской» меньшими размерами жилых помещений — в комнатах, расположенных вдоль длинного коридора, человек по двадцать. Но все-таки хоть немецкая, а казарма. Койки в два яруса, умывальник внизу общий, уборная снаружи традиционного образца — бетонный пол с дырками. Поскольку время учиться еще не пришло, нас предоставили самим себе, и мы превратились в совершенно разложившуюся массу. Никто нами не командовал, никто не следил за нашей дисциплиной, даже за порядком дня. Поэтому вставали, когда хотели. Кто не хотел, не вставал вовсе. Ленивые просили более энергичных товарищей принести им хлеб и сахар. Остальное посыльный съедать сам. Некоторые до того обленились, что в уборную выходили только по большой нужде. Малую справляли в окно, отчего снег у казармы к концу нашего безделья стал совершенно желтым.

Иногда начальство пыталось нас использовать в хозяйственных целях. Пришел незнакомый офицер, ткнул пальцем в меня:

— Фамилия?

— Ефрейтор Огурцов, — отвечаю (в каком-то фильме был такой персонаж).

— Фамилия? — палец уткнулся в Генку Денисова.

— Младший сержант Редискин, — вытянулся Генка.

Ни совпадение овощных фамилий, ни отсутствие на наших погонах лычек у офицера не вызывают сомнений.

— Редискин, вы будете старшим. За мной!

Ведет нас за казармы к гаражу, возле которого валяются водопроводные трубы.

— Перенесете эти трубы вон туда, за угол. Там сложите аккуратно. Редискин, задача ясна?

— Так точно!

— Приступайте!

— Слушаюсь! Огурцов, равняйся! Смирно! Трубу на плечо! С места с песней шагом марш!

Я запеваю: «Замучен тяжелый неволей, ты славную смертью почил...»

Зашли за угол. Трубу бросили, не донес до указанного места, и бежали. Потом прятались, опасаясь, что офицер начнет нас искать. Но офицеру эти трубы так же были нужны, как и нам. Ему приказали нас как-то занять, он и придумал нам дело, а сам удалился.

Вечерами мы играли в очко. Говорят, новичкам в карты везет, но на меня это правило не распространялось. Я с самого начала стал проигрывать и, проиграв шестимсячное жалование, на том остановился. С тех пор я, за исключением отдельных мелких случаев, в азартные игры не играю.

Продолжение следует

РОМАН И ГАЗЕТА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ lights

23

№ 131
(1769)

22
июля
2005

Войнович
Войнович
22.07.05